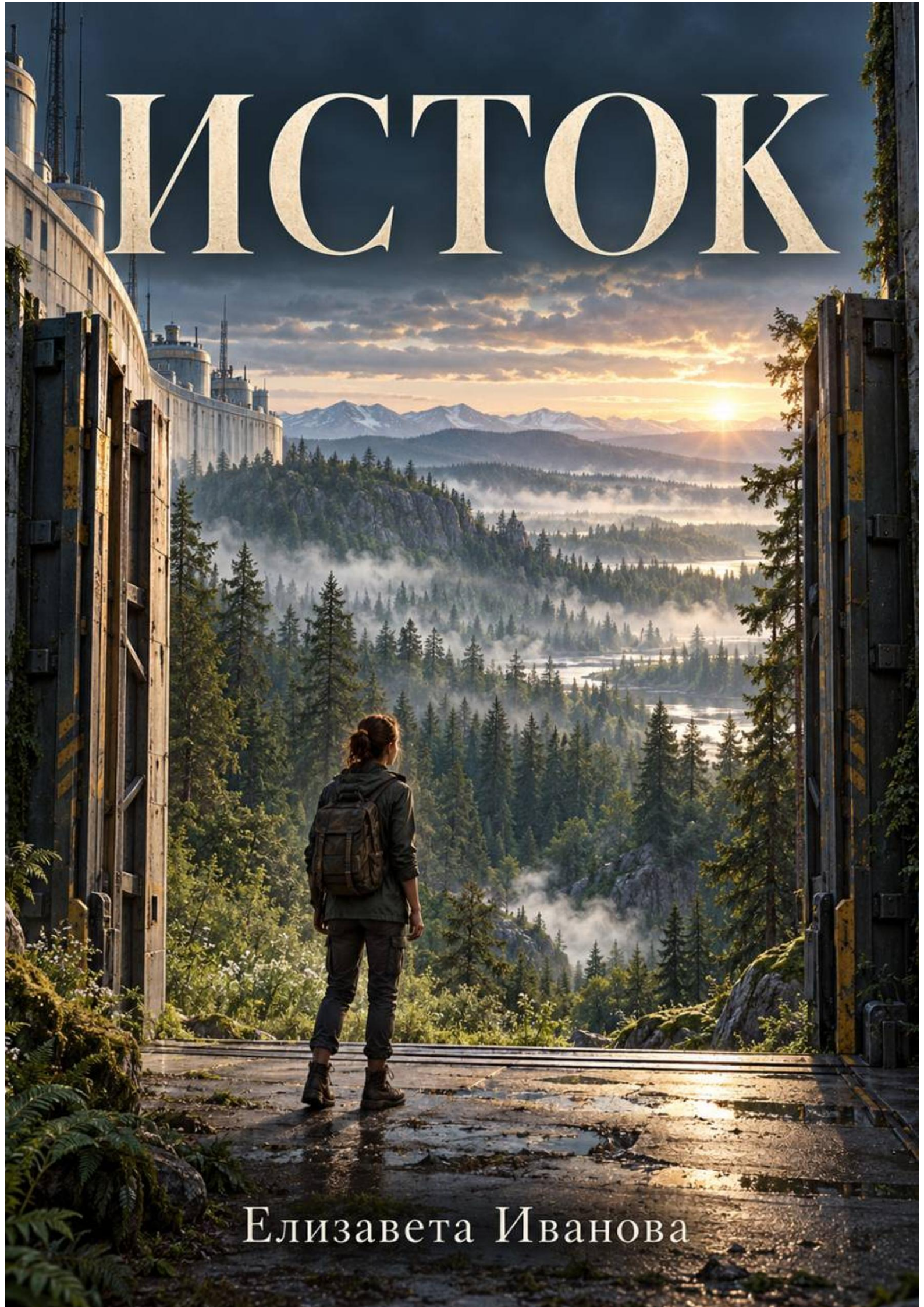

ИСТОК

A person with a backpack stands on a wet, reflective platform, looking out from a large, curved industrial structure (possibly a dam or power plant) at a vast, misty forest valley. The sun is rising over snow-capped mountains in the distance, casting a warm glow over the scene. The foreground shows the wet ground and the industrial structure's edge.

Елизавета Иванова

Елизавета Иванова

Исток

«Автор»

2026

Иванова Е.

Исток / Е. Иванова — «Автор», 2026

Почти триста лет Исток защищал двенадцать тысяч человек от мира, пережившего Каскад. Здесь всегда есть свет, тепло и чистая вода. Катя, молодой биолог, выросла за герметичными дверями и знает наружный мир только по архивам и данным приборов. До планового открытия города остаётся десять лет. Но инженерная служба уже не может обещать, что системы выдержат этот срок. Когда Совет разрешает первые экспедиции, Катя хочет попасть в одну из них. Снаружи её ждут живой лес, незнакомые опасности и следы других людей. Теперь ей предстоит узнать, как устроен этот мир — и можно ли построить в нём новый дом.

© Иванова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елизавета Иванова

Исток

Глава 1

Утро начинается с потолка.

Сначала по его краю появляется тонкая серая полоса, потом свет медленно растекается по комнате, теплеет, становится почти солнечным и только тогда добирается до кровати.

Я лежу ещё несколько секунд, не открывая глаз. По тому, насколько светло, пытаюсь угадать время. Без десяти семь. Может, без пяти.

На стене рядом с кроватью появляются цифры.

06:52.

Почти.

Я переворачиваюсь на другой бок.

Восемь минут — это не сон. Это даже не отдых. Это просто восемь минут, за которые ничего плохого произойти не может.

По крайней мере, так я каждый раз себе объясняю.

Потом вспоминаю, что через восемь минут я наверняка разрешу себе ещё пять, а ещё через пять буду бегать по квартире с мокрыми волосами и ненавидеть весь мир.

Приходится вставать.

Пол под ногами тёплый. В комнате тихо. Из глубины стены тянется привычный ровный гул вентиляции — настолько постоянный, что обычно я его не слышу вовсе. По утрам, когда дом ещё не проснулся окончательно, я слышу его особенно отчётливо.

Будто Исток дышит.

В ванной вода теплеет почти сразу. Я умываюсь и собираю волосы, потом распускаю. Пробую ещё раз — получается только хуже. В конце концов оставляю как есть.

На зеркальной панели сбоку от отражения появляется расписание.

Практика — восемь тридцать.

Лаборатория — десять.

Лекция по устойчивости закрытых экосистем — четырнадцать.

Встреча с Лизой — девятнадцать.

Последний пункт подсвечен фиолетовым. Его я добавляла сама.

Смотрю на своё отражение. На левой щеке осталась тонкая полоска от подушки, волосы лежат так, будто ночью между ними происходило что-то серьёзное.

— Красиво.

Панель, к счастью, не отвечает.

Голосовые функции я отключила несколько лет назад. Мне не нравится, когда кто-то разговаривает со мной до завтрака, даже если этот кто-то существует только в городской системе.

На кухне пахнет хлебом. Настоящим свежим хлебом, а ещё чем-то сладким.

Папа сидит за столом с рабочим терминалом перед собой и держит кружку обеими руками. Мама стоит у столешницы и режет яблоко тонкими дольками.

На секунду я забываю поздороваться.

— Откуда?

Мама даже не оборачивается.

— Доброе утро, Катя.

— Доброе. Откуда яблоко?

— Южный агросектор.

Я подхожу ближе и беру дольку.

Холодная.

Хрустящая.

Сочная настолько, что приходится быстро слизнуть каплю с пальца.

— Новый урожай уже сняли?

— Если бы ты иногда читала городские новости, знала бы.

— Я читаю.

Папа поднимает глаза от терминала.

— Вчера ты спросила меня, почему перекрыт переход между четвёртым и шестым техническими секторами.

— Это другое.

— Об этом три дня писали в городской сети.

— Я читаю главное.

— Ты читаешь заголовки.

— Заголовки тоже часть новостей.

Мама улыбается, не вмешиваясь.

Я сажусь рядом с папой и пытаюсь заглянуть в его экран. Он без спешки разворачивает терминал чуть в сторону.

— Секреты?

— Работа.

— Значит, секреты.

— Значит, тебе будет скучно.

Он знает, что это действует на меня хуже всего. Потому что мне почти никогда не скучно, если что-то запрещено смотреть.

Я откусываю ещё кусок яблока.

— Что сломалось?

Папа тяжело вздыхает.

— Почему обязательно что-то сломалось?

— Потому что ты смотришь на экран так, будто он лично тебя подвёл.

Мама тихо смеётся. Папа тоже улыбается, но устало.

— Ничего критичного.

Я перестаю жевать.

— Значит, всё-таки что-то.

— Катя.

— Всё. Молчу.

Папа работает в инженерной службе столько, сколько я себя помню. Когда мне было лет пять, я была уверена, что он отвечает вообще за весь Исток: за воду, тепло, свет, двери, воздух, лифты и даже за то, чтобы утром включалось искусственное солнце.

Потом я выросла и узнала, что над всем этим работают тысячи людей. Станным образом это не сделало систему менее хрупкой. Просто её сложность стала слишком большой, чтобы представить целиком.

Папа проводит пальцем по экрану и вдруг говорит:

— Сегодня поздно буду.

Мамин нож на секунду зависает над доской, потом она продолжает резать яблоко.

— Опять?

— Совещание.

— Какое?

— Рабочее.

Мама поворачивается к нему.

— Алексей.

Папа делает глоток и несколько секунд смотрит в кружку.

— Инженерное.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Разговор обрывается слишком быстро. Я перевожу взгляд с одного на другого.

— Вы сейчас очень подозрительно разговариваете.

Папа смотрит на часы.

— А ты очень подозрительно опаздываешь.

Я проверяю время. До практики тридцать четыре минуты.

— Вот теперь у нас действительно чрезвычайная ситуация.

Допиваю чай быстрее, чем следовало бы, целую маму в щёку, папу — в макушку, потому что он не успевает увернуться, и иду собираться.

* * *

Утренний Исток пахнет выпечкой, влажной зеленью и тёплым металлом.

Это сочетание я замечаю только в тех местах, где жилые сектора выходят к Центральному парку.

На основной пешеходной линии уже людно. Кто-то ведёт детей в учебные сектора, кто-то идёт на работу, кто-то катит велосипед рядом, потому что поток слишком плотный. Курьер на служебной электрической платформе медленно пробирается между людьми и явно ненавидит нас всех.

Я снимаю механический самокат со стойки возле дома. До биологического сектора почти три километра, и пешком я бы дошла, но смысла в этом не вижу.

Через боковое стекло перехода видна часть котловины: низкие защищённые крыши жилых и учебных секторов ступенями уходят по склону, между ними тянутся закрытые галереи. Глубже в грунт уходят технические уровни. До западных агросекторов отсюда ещё дальше; я бываю там несколько раз в год и каждый раз часть маршрута кажется чужой.

Изнутри Город всё равно воспринимается прежде всего как череда помещений. Почти везде есть потолок, а наружные стены большинство жителей видит только на схемах и старых фотографиях.

Лиза утверждает, что механические самокаты сохранились исключительно для поддержания коллективной ненависти к подъёмам. Я считаю, что она просто ленивая.

Жилой сектор заканчивается широким переходом, за которым открывается Центральный парк. И каждый раз, даже если спешу, я немного замедляюсь.

Потолок здесь выше, чем почти везде в Истоке. Настолько, что взгляд не цепляется за него автоматически. Между дорожками растут настоящие деревья, некоторые старше любого живого человека в Городе. Их корни уходят в глубокий почвенный слой, под которым спрятаны дренаж, датчики влажности и технические каналы.

Я знаю, как всё это устроено.

И всё равно люблю парк не за устройство.

Сегодня над дальней частью атриума открыты внешние светозащитные створки. Под ними остаётся герметичное многослойное прозрачное покрытие, через которое видно настоящее небо. Серое, облачное, ограниченное рамами конструкции.

После ночного дождя снаружи на прозрачных панелях остались капли. Одна медленно сползает вниз, соединяется с другой и исчезает за металлическим профилем.

На внешнюю поверхность садится птица. Маленькая, тёмная. Она делает несколько шагов прямо над нашими головами, наклоняет голову, будто рассматривает людей внизу, и взлетает.

Я слежу за ней до тех пор, пока она не исчезает за краем атриума. Потом вспоминаю, что опаздываю.

* * *

У входа в биологический сектор самокат приходится оставить.

Дальше — пешком.

Я прохожу обычный санитарный шлюз, прикладываю браслет к панели доступа и захожу в лабораторию.

Виктор Сергеевич уже там. Стоит возле рабочего стола, просматривает данные по вчерашним образцам и даже не оборачивается.

— Две минуты.

— Я знаю.

— Хорошо.

— Но я пришла.

Теперь он смотрит на меня.

Виктору Сергеевичу пятьдесят шесть, и большую часть времени его лицо выражает осторожное сомнение в том, что человеческий вид правильно распорядился интеллектом.

— Это действительно впечатляет.

Я снимаю куртку и надеваю лабораторный халат.

— Доброе утро.

— Доброе, Екатерина.

Екатериной он называет меня только тогда, когда хочет подчеркнуть, что я сама виновата.

На столе стоят контейнеры из северного агросектора. Я подхожу ближе.

— Что сегодня?

Виктор Сергеевич передаёт мне планшет с журналом партии.

— Листья из северного агросектора. Начни с повреждений.

Я быстро просматриваю фотографии повреждений.

— Опять грибок?

— А вот это ты и выяснишь.

Работа действует на меня почти всегда одинаково.

Стоит начать — всё остальное постепенно отодвигается. Лист либо повреждён, либо нет. Ткань имеет определённую структуру. Изменение можно сравнить. Причину — искать. Даже если ответа пока нет, существует хотя бы способ к нему подойти.

Через полчаса весь мир сужается до изображения на микроскопе.

— Что думаешь? — спрашивает Виктор Сергеевич.

Я увеличиваю участок сосудистой ткани.

— Не грибковое поражение.

— Почему?

— Края повреждений нехарактерные. И проводящие ткани почти чистые.

— Дальше.

Открываю журнал фермы.

Температура.

Свет.

Полив.

Минеральный состав.

Обслуживание системы.

На третьей странице вижу изменение.

— Они подняли концентрацию микроэлементов.

Виктор Сергеевич подходит ближе.

— На четыре процента.

— Для этой культуры это уже может дать реакцию.

— Может.

Я начинаю объяснять, где ожидаю увидеть подтверждение. Он слушает молча и не помогает. Так делает всегда. Если я могу дойти сама, он будет ждать столько, сколько потребуется. Когда заканчиваю, кивает.

— Проверь.

Для него это почти похвала.

Я уже собираюсь вернуться к анализу, когда свет моргает.

Один раз.

Потом второй.

Лаборатория на короткое мгновение проваливается в полумрак.

Аварийные полосы вдоль пола включаются сразу, тонкими белыми линиями обозначая выходы и рабочие зоны.

Основное освещение возвращается почти мгновенно.

Но после этого тишина становится заметнее.

Я выпрямляюсь.

На стене появляется системное сообщение.

КРАТКОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЭНЕРГОКОНТУРА. ПИТАНИЕ ВОССТАНОВЛЕНО.

— Это уже третий раз за неделю, — говорю я.

— Четвёртый.

Поворачиваюсь.

— Откуда знаете?

— Я читаю городские новости.

Я хочу ответить, но не успеваю.

Виктор Сергеевич уже снова смотрит на данные.

Для него событие закончилось.

Для меня нет.

Я прислушиваюсь. Оборудование снова работает. Вентиляция тянет воздух. Анализатор завершает цикл, который не успел потерять питание благодаря внутреннему резерву.

Через несколько минут всё снова выглядит совершенно нормально.

Наверное, поэтому я тоже возвращаюсь к работе.

* * *

С Лизой встречаемся в столовой. Она уже сидит у внутреннего окна, выходящего в зелёный двор, и перед ней две чашки.

— Ты опоздала.

— Сегодня это уже говорили.

— Значит, проблема системная.

Она подвигает ко мне кофе. Я сажусь напротив.

— Я тебя люблю.

— Знаю.

На Лизе светлая рубашка, волосы собраны в высокий хвост. Ногти сегодня тёмно-синие.

— Красивый цвет.

— Спасибо. Ты тоже ничего.

— Очень щедро.

— Я старалась.

Мы дружим столько, сколько я себя помню. В детстве жили через несколько домов, потом попали в одну учебную группу, потом наши направления разошлись, а мы — нет. Лиза работает с городской средой и общественными пространствами. По её версии, она делает Исток

пригодным для нормальных людей, пока я выращиваю плесень. По моей версии, плесень иногда полезнее некоторых людей.

— Сегодня опять свет моргал, — говорю я.

— У нас утром тоже.

— Надолго?

— Секунд десять.

Я машинально поворачиваю чашку в руках.

— Тебя это не напрягает? Папа сегодня снова на совещании, поздно будет.

— Катя, он же инженер. Наверное, потому и будет поздно, что чинят.

— Мама странно отреагировала.

Лиза перестаёт крутить ложку.

— А вот это расскажи.

Я пытаюсь повторить мамин взгляд.

Лиза несколько секунд наблюдает.

— Сейчас ты похожа на человека, у которого заболел живот.

— Примерно так она и посмотрела.

— Тогда всё серьёзно.

Я пинаю её под столом.

Она смеётся.

Рядом обсуждают предстоящий праздник основания Истока.

Через месяц Центральный парк украсят, в архивных залах снова покажут старые записи первых десятилетий, детям будут рассказывать, как несколько разрозненных защищённых объектов превратились в один город.

Я слышала эту историю сотни раз: переселение, закрытие внешнего контура, первые поколения, которые ещё помнили мир до Каскада. Потом оставались только записи. На праздниках их показывали нам — детям, для которых Исток всегда был домом.

Через внутреннее окно видно небольшой двор. Дети бегают возле фонтана. Вода падает одинаковыми струями, воздух тёплый, трава подстрижена ровно настолько, чтобы городской службе не пришлось ставить дополнительные предупреждения.

Я сама не понимаю, почему спрашиваю:

— Ты когда-нибудь думаешь о выходе?

Лиза перестаёт размешивать кофе.

— Куда?

— Наружу.

— Иногда.

Я ожидала мгновенного «нет».

— И?

— И думаю, что через десять лет мне будет тридцать пять и кто-то попытается убедить меня добровольно покинуть место, где есть отопление, душ и нормальные врачи.

— Снаружи тоже будет инфраструктура.

— Когда-нибудь.

— Там не обязательно будет настолько ужасно.

— Катя, я видела климатические данные.

— Я тоже.

Она отставляет ложку.

— Тебе хочется выйти?

Вопрос звучит совсем иначе, когда задают его прямо.

Я смотрю через окно на двор.

— Хочется увидеть.

— Ты видела.
— Не так.
— Через атриумы.
— Не считается.
— Почему?
Я уже собираюсь ответить.
И не могу.
Солнце я видела.
Снег тоже.
Птиц.
Растения.
У нас есть тысячи часов архивных записей морей, гор, лесов и старых городов.
Я могу открыть любую запись и увидеть горизонт.
И всё же точно знаю, что это не одно и то же.
— Не знаю, — признаюсь я.
Лиза улыбается.
— Очень убедительно для биолога.
Я вспоминаю сегодняшнего Виктора Сергеевича и только качаю головой.
* * *
Домой возвращаюсь около девяти.
Папы нет.
Мама разогревает ужин.
Я снимаю обувь и почти сразу спрашиваю:
— Всё ещё совещание?
— Написал, что задержится.
На кухне всё выглядит как всегда.
Тёплый свет.
Чистая поверхность стола.
Тихая работа вентиляции.
Вода в графине.
Именно эта обычность заставляет спросить:
— Что происходит?
Мама ставит тарелку передо мной.
— Катя.
— Мам.
Она садится напротив.
Несколько секунд будто решает, что именно можно сказать.
— Если бы происходило что-то, о чём должен знать весь город, Совет сообщил бы.
— Это не ответ.
— Другого у меня нет.
Я начинаю есть, но голод уже куда-то исчез.
Папа приходит позже.
По лицу видно, что устал.
Не раздражён.
Именно устал.
Мама ставит перед ним ужин, он благодарит и несколько минут молча ест.
Я честно пытаюсь подождать.
Выдерживаю почти три минуты.
— Ну?

Он поднимает глаза.
— Что «ну»?
— Совещание.
Папа переводит взгляд на маму.
Она ничего не говорит.
Это мне не нравится ещё больше.
— Ничего не случилось, — говорит он наконец. — Пока.
Я откладываю вилку.
— Отличное слово.
— Мы проверяем несколько систем.
— Какие?
Пауза выходит слишком длинной.
— Энергетические. Водные. Часть климатических.
— Одновременно?
— Да.
У меня внутри что-то неприятно сжимается.
— И что нашли?
— Пока идёт проверка.
Мама смотрит на него.
— Алексей.
Он проводит ладонью по лицу.
— Завтра будет ещё одно заседание.
— Инженерное?
— Нет.
— А какое?
— Совета.
Теперь я окончательно перестаю есть.
Совет Города не собирается из-за одного моргнувшего энергоконтура.
— Зачем?
Папа смотрит на рабочий терминал, который принёс с собой, но не включает его.
Потом на меня.
И только сейчас я замечаю то, чего раньше никогда в нём не видела.
Не панику.
Не ужас.
Страх гораздо тише.
Такой, который человек уже успел обдумать и всё равно не смог от него избавиться.
— Инженерная служба должна представить прогноз.
— Какой?
Он отвечает не сразу.
— Сколько ещё Исток сможет работать так, как работает сейчас.
За стеной ровно гудит вентиляция.
На кухне горит свет.
Из крана, если его открыть, пойдёт чистая вода.
Где-то этажом ниже хлопает дверь, кто-то смеётся в коридоре, в соседнем доме наверняка ругают ребёнка за поздний сон.
Ничего не изменилось.
Я прислушиваюсь к вентиляции.

Впервые мне приходит в голову не устройство системы, а сам звук: однажды этот ровный гул может исчезнуть. Можно будет открыть кран и не услышать, как вода пошла по трубе. Свет может не включиться в назначенную минуту.

До сегодняшнего вечера это были аварийные сценарии из инструкций.

Теперь я впервые представляю их здесь.

Глава 2

Утром потолок светлеет точно так же, как вчера.

Меня это раздражает.

Я лежу на спине и смотрю, как по комнате растекается искусственный рассвет.

Ничего не произошло.

Вентиляция работает.

Свет работает.

В ванной будет горячая вода. На кухне мама, скорее всего, уже приготовила завтрак. Через час я пойду в биологический сектор, где Виктор Сергеевич найдёт способ сообщить мне, что я слишком медленно думаю, слишком быстро говорю или неправильно держу пинцет.

Обычное утро.

Только теперь я знаю, что вчера несколько взрослых людей сидели за закрытыми дверями и обсуждали, сколько ещё таких утр у Истока осталось.

На стене появляется время.

06:41.

Рано.

Я закрываю глаза.

Почти сразу открываю снова.

Не усну.

* * *

В ванной долго держу руки под водой.

Не потому что замёрзла.

Просто смотрю.

Прозрачная струя.

Ровный напор.

Тёплая почти сразу.

Ещё вчера мне не пришло бы в голову воспринимать воду как отдельное событие.

Она была примерно такой же частью мира, как пол или дверь.

Сегодня я думаю о насосах.

Фильтрах.

Резервных линиях.

Трубах внутри стен.

О людях, которые следят за всем этим круглосуточно, пока остальные просто открывают кран.

Выключаю воду.

Через несколько секунд появляется чувство, будто я сделала что-то слишком резко.

Глупость.

Я вытираю руки и иду на кухню.

Папы уже нет.

Мама сидит за столом с чашкой чая и выглядит хуже, чем вчера вечером.

Не сильно.

Просто под глазами темнее обычного.

— Он ушёл?

— Полчаса назад.

Я достаю йогурт.

— Во сколько Совет?

Мама поднимает взгляд.

— В десять.

— А до этого?

— Инженерное совещание.

Сажусь напротив.

— Он вообще спал?

— Немного.

— Ты?

Она делает вид, что вопрос не заслуживает ответа.

Этого достаточно.

Несколько секунд едим молча.

Потом я всё-таки спрашиваю:

— Это давно началось?

— Что именно?

— Проблемы.

Мама проводит пальцем по краю чашки.

— Инженеры много лет говорят, что обслуживание становится сложнее.

— Почему нам никто ничего не говорил?

— А что именно должны были сообщать?

— Не знаю. Что город стареет.

Она смотрит на меня почти удивлённо.

— Катя, ему почти триста лет.

— Я знаю.

— Каждый год меняют километры кабелей. Перебирают насосы. Переносят нагрузки между линиями. Восстанавливают платы, переплавляют металл, переставляют рабочие модули из оборудования, которое уже не нужно, в то, которое ещё нужно.

Я молчу.

Я всё это знала.

Не подробно.

Но знала.

Просто никогда не складывала отдельные факты в одну картину.

— Но мы же производим новое.

— Производим.

— Тогда в чём проблема?

— Я не инженер.

— Ты живёшь с инженером двадцать семь лет.

Мама наконец улыбается.

— И это до сих пор не даёт квалификацию.

Улыбка быстро исчезает.

— Некоторые вещи мы умеем делать хорошо. Некоторые хуже, чем раньше. А некоторые уже почти не умеем.

— Почему?

— Оборудование тоже стареет.

Ответ такой простой, что от него становится хуже.

Я смотрю на кухонный модуль, который только что выдал завтрак. Кто-то должен уметь чинить и его. Раньше на этой мысли всё заканчивалось.

— Папа вчера испугался, — говорю я.

Мама опускает глаза.

— Да.

И теперь следующий вопрос я не задаю.

* * *

По дороге в биологический сектор Исток выглядит совершенно нормально.

Вот что бесит больше всего.

Пекарня открыта.

В переходах привычная утренняя очередь.

На детской площадке кто-то уже успел заплакать.

Служебная бригада меняет покрытие у входа в транспортный узел.

Человек в серой форме стоит на стремянке и проверяет световую панель.

Если не знать о вчерашнем разговоре, невозможно угадать, что в городе происходит что-то важное.

Я еду медленнее обычного. Замечаю вещи, которые раньше не замечала. На одном из старых переходов новая металлическая вставка отличается цветом от стены. Возле технической двери заменена панель доступа. Ограждение возле канала в парке состоит из секций разного возраста.

Следы ремонтов всюду. Они всегда были. Просто раньше означали для меня, что Исток хорошо обслуживают.

Сегодня впервые думаю о другой стороне этой мысли:

его приходится обслуживать постоянно.

* * *

В Центральном парке у двух секций светового атриума открыты внешние светозащитные створки.

Герметичное прозрачное покрытие остаётся закрытым.

Небо ясное.

Я останавливаюсь у края дорожки и поднимаю голову.

Через десять лет. Эта дата существовала в моей жизни всегда. Почти как праздник, который слишком далеко, чтобы считать дни. Триста лет после окончательной герметизации Истока. Плановый срок начала полноценного возвращения наружу.

В детстве я представляла всё очень просто. Однажды открываются ворота. Люди выходят. Новый мир.

Потом на уроках объяснили, что никто никогда не планировал выпустить двенадцать тысяч человек в лес за один день.

Сначала — разведка.

Проверка воздуха.

Воды.

Почвы.

Биологических рисков.

Потом небольшие внешние базы.

Сезонные наблюдения.

Испытание инфраструктуры.

Годы подготовки.

Триста лет не были волшебной датой, после которой мир обязан стать безопасным. Это был консервативный срок, после которого наши предки рассчитывали провести полную переоценку.

До него оставалось десять лет. Вчера десять лет казались небольшим расстоянием. Сегодня — огромным.

* * *

В биологическом секторе все работают. И почти никто не работает нормально.

Разговоры обрываются, когда кто-то проходит мимо. Люди несколько раз за час открывают городскую сеть. Кто-то обсуждает инженерные системы у анализатора. Кто-то уверен, что Совет просто пересмотрит резервные нормы. Кто-то уже говорит об эвакуации.

Виктор Сергеевич сидит за своим столом с большой кружкой и делает вид, что существует вне всего этого.

— Вы знаете? — спрашиваю я.

Он даже не поднимает головы.

— Доброе утро.

— Доброе. Знаете?

— Что именно?

Я ставлю сумку.

— Зачем собирается Совет.

— Знаю, что собирается.

— И?

Теперь он смотрит на меня.

— И половина города уже придумала причину.

— А вы?

— Я предпочитаю дождаться доклада.

— Но что-то слышали.

Он снимает очки.

— Конечно. По одной версии завтра отключится отопление. По другой Совет уже решил открыть Исток. По третьей во внешних пробах нашли неизвестный патоген.

— Нашли?

— Нет.

Я выдыхаю.

— А ещё?

— Кто-то видел возле северной станции очень крупное животное.

Я сразу перестаю думать о Совете.

— Насколько крупное?

— Вот поэтому слухи и работают.

Он надевает очки обратно.

— Катя, мы ничего не знаем.

— А камеры?

— Иногда фиксируют движение.

— Какое?

Он придерживает очки за дужку.

— Катя, я не смотрел записи. Не заставляй меня пересказывать чужой пересказ.

Он подвигает ко мне вчерашние данные.

— Работай.

* * *

До десяти утра проходит мучительно мало времени. Потом в городской сети появляется короткое сообщение:

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ИСТОКА НАЧАЛОСЬ В 10:04.

И ничего больше.

Удивительно, насколько тяжёлым может быть отсутствие информации.

Я заставляю себя вернуться к работе.

Получается минут на пятнадцать.

Потом в соседней лаборатории клинит небольшой насос подачи раствора. Самая обычная неисправность. Техник приходит быстро. Открывает корпус. Меняет внутренний модуль. Проверяет соединения. Насос снова запускается.

Я стою рядом дольше, чем требуется.

Техник замечает.

— Что?

— Сколько ему лет?

Техник смотрит на маркировку и проводит пальцем по старой панели.

— Рабочему модулю лет двенадцать. Корпус старше, насколько — не знаю. Его много раз перебирали.

— А новый полностью нельзя поставить?

Он пожимает плечами.

— Можно, если есть смысл списывать рабочую систему.

— А если перестанет быть рабочей?

Теперь он смотрит внимательнее.

— Тогда либо восстановим, либо заменим узлы.

— А если нечем?

Пауза. Совсем короткая.

— Для этого и существует технический резерв.

Он закрывает корпус. Насос продолжает работать. Ровно. Тихо. Совершенно обычно.

Легче не становится.

* * *

К полудню приходит первое официальное сообщение.

Я открываю его вместе со всеми.

В связи с изменением прогноза технической устойчивости Истока Совет рассматривает корректировку долгосрочного плана эксплуатации и возврата на поверхность.

Вот и всё.

Дальше только просьба дождаться полного доклада и не распространять неподтверждённые сведения.

Телефон вибрирует почти сразу.

Лиза.

мне не нравится словосочетание «корректировка долгосрочного плана»

Я отвечаю:

это потому что ты не любишь красивую бюрократию

я люблю когда она не касается моей жизни

Улыбаюсь.

Через секунду приходит ещё:

ты же вчера говорила про выход

Смотрю на сообщение.

Пишу:

говорила

и?

Я долго не отвечаю. Потому что не знаю.

* * *

После обеда лекция идёт плохо. Не только у меня.

Преподаватель начинает с замкнутых циклов азота, но через двадцать минут кто-то с последнего ряда всё-таки поднимает руку.

— Можно не по теме?

— Если это про Совет — нет.

По аудитории проходит нервный смехок.

— Но если проблемы с жизнеобеспечением...

Преподаватель снимает очки.

— Исток существует почти три века не потому, что в нём ничего не ломается.

В аудитории становится тихо.

— Он существует потому, что каждое поколение ремонтирует то, что получает от предыдущего. Перестраивает системы. Меняет оборудование. Упрощает то, что стало невозможно поддерживать.

Он показывает на схему цикла на стене.

— Мы вообще живём внутри огромной системы постоянного обслуживания.

Кто-то спрашивает:

— Тогда почему Совет?

Преподаватель отвечает уже тише:

— Потому что любое техническое сооружение имеет предел.

Эта фраза остаётся в голове надолго.

Я знаю, что у оболочек, насосов, фильтров и кабелей есть ресурс. Просто никогда раньше не ставила эти сроки рядом с собственной жизнью.

* * *

Полный доклад появляется в семнадцать сорок две. Я уже с Лизой. Мы сидим в небольшом кафе у парка. Почти у каждого посетителя одновременно вспыхивает экран. Разговоры стихают.

Сначала читаю быстро. Потом возвращаюсь к началу. Прогноз отказов. Снижение резервирования. Рост времени ремонта. Проблемы с изготовлением части сложных компонентов. Сокращение запасов материалов. Износ оборудования, необходимого для производства нового оборудования.

Таблицы я понимаю хуже папы, но итог написан достаточно ясно:

Инженерная служба не может гарантировать устойчивую работу всех критических систем Истока до планового срока полного открытия через десять лет.

Я перечитываю.

Лиза тоже.

— Это значит...

Она не заканчивает.

— Да.

— Они не уверены, что Исток протянет десять лет.

— Да.

Продолжаю читать.

Совет утверждает программу ускоренной оценки наружной среды.

Расширение мониторинга.

Дополнительный отбор проб.

Подготовка к пилотным выходам.

Оценка возможности развёртывания части инфраструктуры за пределами защищённого контура.

Я перестаю читать на словах «пилотные выходы».

— Они откроют ворота.

Лиза смотрит на меня. В её лице нет того любопытства, которое я чувствую внутри себя. Только страх. И от этого мне сразу становится стыдно за собственный восторг. Я всё ещё хочу наружу, хотя только что прочитала, почему нас туда отправят. Чашка в руках Лизы дрожит, и я не знаю, как сказать ей о своём желании.

За соседним столом пожилая женщина берёт мужа за руку.

Кто-то тихо говорит:

— До выхода ещё десять лет.

Другой отвечает:

— Уже нет.

Я смотрю через стекло на парк. Деревья. Вода. Люди. Всё моё. Всё знакомое.

Я всегда знала, что однажды двери Истока откроют. Просто думала, что до этого ещё очень далеко. Не в этом году. Не сейчас.

* * *

Папа приходит домой раньше, чем вчера. На этот раз мы с мамой уже ждём. Он снимает куртку, умывается и только потом садится за стол.

Несколько минут никто не начинает разговор.

Потом мама спрашивает:

— Насколько всё плохо?

Папа сцепляет руки.

— Не настолько, как сейчас рассказывают по городу.

— Но достаточно.

— Да.

Я сажусь напротив.

— Что именно ломается?

Он качает головой.

— В этом и проблема. Не одна система.

Папа объясняет медленно. Исток получает тепло из глубинных скважин: часть идёт в отопление, часть — через турбинные модули на выработку электричества.

— Под нами тепла хватает. Но его ещё надо поднять, преобразовать и довести до квартир. Насосы, турбины, управление — всё это мы ремонтируем. Если бы отказал один узел, справились бы. Сейчас слишком многие работают без полноценной замены.

Часть резервных систем уже давно стала рабочими.

— Например? — спрашиваю я.

Папа на секунду задумывается.

— Вал для насоса мы всё ещё выточим. Уплотнения сделаем. А некоторые силовые модули управления уже не производим с нуля — восстанавливаем старые и переставляем между системами. Для части датчиков нам не хватает точности оборудования. Для других компонентов — нужного сырья.

Он проводит пальцем по столу.

— И хуже всего, когда ломается не сама деталь, а станок, который нужен, чтобы сделать ей замену.

Отдельные производственные линии уже зависят от деталей, которые нельзя изготовить без этих же линий.

— То есть резервов нет? — спрашиваю я.

— Есть. Просто не столько, сколько было предусмотрено изначально.

— Сколько у нас времени?

Папа долго не отвечает.

— Никто не знает.

— Хотя бы примерно.

— Мы можем прожить десять лет.

Я выдыхаю.

Он продолжает:

— А можем через три года потерять систему, после которой оставшиеся семь уже не будут иметь значения.

Воздух будто становится холоднее. Хотя температура та же.

— Поэтому выход.

— Разведка, — поправляет папа. — Пока только разведка.

— Наружные станции же показывают, что воздух нормальный.

— Показывают.

— И вода.

— По отдельным точкам.

— Радиация.

— В норме.

— Тогда чего мы не знаем?

Папа немного поворачивается ко мне.

— Почти всего остального.

— А что именно сейчас стоит снаружи?

Папа отодвигает чашку.

— Защищённые заборные узлы. Они стоят у самого контура и годами берут данные из фиксированных точек. Аналитика в основном находится в обслуживаемой части системы: её меняют и калибруют. Отдельные внешние датчики заменяют через сервисные шлюзы или роботизированные механизмы.

— То есть воздух мы знаем хорошо.

— Возле станций — да. Температуру, давление, состав атмосферы, радиацию, часть биологических показателей.

— А дальше?

— А дальше начинается территория, которую датчик за стеной не видит.

Станция не расскажет, что живёт в лесу в пяти километрах. Не покажет сезонную вспышку паразитов, не докажет, что вода безопасна выше по течению и что в реальной почве можно выращивать пищу год за годом.

Папа делает паузу.

— И уж точно не сообщит, есть ли где-нибудь люди.

— Значит, если поверхность пригодна, выход будет раньше?

Папа не сразу отвечает.

— Возможно.

— Биологи пойдут?

Папа смотрит на меня.

Мама закрывает глаза.

— Нет, — говорит она.

Я поворачиваюсь.

— Я ничего ещё не спросила.

— Я знаю тебя.

— Состав даже не определён.

— Тем лучше.

Папа едва заметно улыбается, но быстро становится серьёзным.

— Первая группа будет небольшой и максимально опытной.

Я знаю, что это значит. Не я. Я ещё учусь. Работаю под руководством Виктора Сергеевича. Никогда не проводила настоящих полевых исследований.

И всё равно внутри появляется детское чувство несправедливости.

— Если поверхность окажется пригодной, — говорит папа, — это будет не последняя экспедиция.

— Я знаю.

— Тогда зачем торопиться?

Ответ приходит не сразу.

До вчерашнего дня поверхность существовала в будущем. Через десять лет. Когда-нибудь. Безопасная уже тем, что до неё далеко. Теперь между мной и ней впервые появилась конкретная дверь.

— Потому что я хочу знать, что там.

Папа кивает.

— Мы все хотим.

* * *

Перед сном я иду в Центральный парк. Людей больше, чем обычно в такое время. Наверное, сегодня многим не хочется оставаться дома. Под световым атриумом тёмно. Облака разошлись. Между рамами видно несколько звёзд.

Я знаю названия. Расстояния. Температуры. Спектральные классы.

Виктор Сергеевич однажды спросил, зачем биологу всё это. Я ответила, что мне было интересно. Другой причины не было.

Подхожу ближе к прозрачной панели. Снаружи ветер гонит по ней сухой лист. Он цепляется за край, дрожит, потом срывается и исчезает.

Я никогда не чувствовала этот ветер. Никогда не стояла там, где лежал этот лист. Через десять лет это должно было измениться. Теперь, возможно, изменится гораздо раньше.

Прикладываю ладонь к холодному стеклу.

До этого дня я всегда думала о поверхности как о месте, на которое однажды посмотрю из Истока.

Сегодня впервые представляю обратное. Как стою снаружи. Оборачиваюсь. И вижу свой дом уже по другую сторону стены.

Глава 3

На следующее утро Исток звучит иначе. Не громче в буквальном смысле. Вентиляция всё так же ровно гонит воздух по переходам. Где-то скрипят тормоза велосипеда. У пекарни звенит посуда, пахнет тёплым хлебом. Служебная платформа медленно ползёт вдоль края дорожки, и люди привычно расступаются перед ней. Но почти каждый разговор касается одного и того же. Я слышу обрывки ещё до Центрального парка.

— Они ведь не сказали, что город разваливается.

— А что ещё означает «не можем гарантировать»?

— Что не могут гарантировать. Не больше.

— Очень удобно.

У стойки с напитками спорят две женщины. Чуть дальше пожилой мужчина кому-то доказывает, что все ресурсы надо направить на производство новых насосов, а не «гулять по лесу». Возле информационной панели трое подростков обсуждают, кто первым из них выйдет наружу, если начнут набирать добровольцев. Никто пока добровольцев не набирает. Но Исток уже проживает будущее, которого ещё нет. Я еду дальше.

* * *

У входа в биологический сектор меня окликают.

— Кать.

Оборачиваюсь.

Олеся из соседней учебной группы догоняет меня у санитарного шлюза.

Мы вместе проходили микробиологию два года назад, но с тех пор почти не общались.

— Ты у Соколова сегодня?

— Как обычно.

Она замедляется рядом.

— Он что-нибудь говорил?

Я уже знаю, о чём речь.

— Нет.

— Его же могут отправить первым.

Внутри неприятно сжимается. Странно, что я сама не подумала об этом раньше.

Вчера «первая экспедиция» была набором должностей. Опытные специалисты. Врач. Инженер. Биолог. Безопасность. Люди без лиц. Теперь у одного из них появляется вполне конкретное лицо.

— Почему именно его?

Олеся смотрит на меня так, будто ответ очевиден.

— Потому что он один из самых опытных биологов сектора.

Я это знаю лучше неё.

— Официального списка ещё нет.

— Я знаю.

Она уходит в соседний коридор.

Я остаюсь перед дверью лаборатории на пару секунд дольше, чем нужно.

Потом захожу.

* * *

Виктор Сергеевич сидит за столом. Та же кружка. Та же спокойная поза. На рабочем экране — наши вчерашние результаты. Никакого человека, который, возможно, через несколько дней выйдет туда, где никто из Истока не был почти три столетия. Просто мой руководитель.

— Доброе утро, — говорю я.

Он поднимает голову.

— Уже лучше.

— Что?

— Ты начала с приветствия.

Я снимаю куртку.

— Вас могут взять в первую экспедицию.

— Могут.

Ответ слишком быстрый.

Я останавливаюсь.

— Вы знали?

— Предполагал.

— Вас спрашивали?

Короткая пауза.

— Да.

— Когда?

— Позавчера.

— И вы ничего не сказали.

— Потому что говорить было не о чем.

— Вас спросили, готовы ли вы выйти наружу.

— Именно. Спросили. Не назначили.

Он не оправдывается.

Просто объясняет.

И от этого злиться сложнее.

— А вы готовы?

— Да.

— Сразу согласились?

— Да.

Вот это задевает.

Наверное, потому, что я тоже хотела бы идти.

Но для меня поверхность пока существует как желание.

Для него уже как работа.

— Вас не пугает?

Виктор Сергеевич откладывает стилус.

— Пугает.

Я ожидала другого ответа.

— Тогда почему вы говорите об этом так спокойно?

Он немного думает.

— Потому что страх ничего не меняет в задаче.

За стеной включается центрифуга.

Ровный нарастающий гул заполняет короткую паузу.

— Если Исток действительно собирается выходить раньше срока, — продолжает он, — сначала туда должны идти люди, которые умеют оценивать данные на месте и не принимать первое впечатление за вывод.

— И обязательно вы.

— Не обязательно.

— Но вы хотите.

— Хочу.

Я опускаю взгляд на стол.

Вчерашние растения лежат в герметичных лабораторных контейнерах, аккуратно промаркированные, привычные, понятные.

— Я бы тоже пошла.

— Знаю.

— Даже если было бы страшно.

Теперь он улыбается.

— Тебе и будет страшно.

— Почему это звучит так уверенно?

— Потому что ты однажды десять минут отказывалась заходить в учебную теплицу из-за осы.

— Она летала возле двери.

— Это серьёзно меняет дело.

— И вообще, мне было семнадцать.

— Значит, теперь ты существенно опытнее.

Я собираюсь ответить, но замечаю, что он уже снова берёт стилус.

Разговор для него закончен.

На этот раз я не пытаюсь продолжать.

* * *

К полудню Совет публикует параметры первой экспедиции.

Небольшая группа.

Двенадцать человек.

Не дальше нескольких километров от северного выхода.

Не более восьми часов с момента открытия внешних ворот.

Главные задачи — сверить наружные измерения с непосредственными данными, собрать пробы воды, почвы и растительности, оценить состояние местности и вернуться.

Полная защитная экипировка.

Герметичный режим.

Никакого прямого контакта кожи с внешней средой.

Все образцы — только в изолированные контейнеры.

После возвращения — деконтаминация оборудования, первичный медицинский контроль и последующее наблюдение участников.

В приложении к маршруту есть схема уже проведённой роботизированной разведки.

Малые беспилотники снимали открытые участки сверху, сервисные машины проверяли конструкции у внешнего контура и доставляли датчики. Под плотной кроной камера видит в основном листья; связь там нестабильнее, а низкий полёт между ветвями ненадёжен и шумен.

На маршруте первой группы стоят десятки пометок, которых у автоматики не было: выбрать точку отбора по фактической растительности, оценить русло ручья, изменить путь по состоянию грунта, решить на месте, что требует отдельного образца.

За пределами известных коридоров на карте всё ещё слишком много серого.

Я перечитываю последний абзац дважды.

Вот так всё сразу становится менее похожим на прогулку.

До этого в голове был лес.

Теперь появляются костюмы.

Фильтры.

Шлюзы.

Протоколы.

Восемь часов, в течение которых двенадцать человек будут существовать снаружи как отдельный маленький мир.

* * *

После работы еду к деду. Западные жилые сектора старше центральных. Здесь уже переходы, ниже потолки, больше старой отделки. В стенах встречаются вставки из настоящего дерева, которые давно не используют при массовом ремонте.

У деда всегда пахнет бумагой и чаем. Я захожу и почти сразу замечаю открытую книгу на столе.

— Опять конец света?

Дед выглядывает из кухни.

— Там вообще-то исследование другой планеты.

— То есть конец света будет позже.

— Если повезёт.

Ему семьдесят шесть.

В последние годы левая рука иногда чуть дрожит, особенно когда он устал, но ходит он всё ещё быстрее многих людей моего возраста.

Я снимаю куртку.

— Виктора Сергеевича могут отправить первым.

— Конечно.

— Почему все говорят «конечно»?

— Потому что он хороший специалист.

Дед ставит передо мной чашку.

Я сажусь.

— А если с ним что-нибудь случится?

— Может.

— Очень поддерживающе.

— Ты пришла за поддержкой или за правдой?

— Нельзя два сразу?

— Иногда можно.

Он садится напротив.

Его руки спокойно лежат на столе.

— Тебе страшно?

— За экспедицию?

— Вообще.

Дед думает дольше, чем обычно.

— Да.

— Не похоже.

— В моём возрасте лицо экономит силы.

Я улыбаюсь.

Он тоже.

Потом становится серьёзным.

— Я не поверхности боюсь больше всего.

— А чего?

— Решения.

Я не сразу понимаю.

Дед видит.

— Мы очень долго жили с готовой датой. Триста лет. Сначала оценка, потом выход. Удобная вещь — дата, которую назначил кто-то давно умерший.

— В каком смысле удобная?

— В том, что тебе самому не приходится выбирать.

Он проводит пальцем по краю чашки.

— Не нужно сегодня решать, достаточно ли безопасно. Не нужно принимать риск. Не нужно потом отвечать за ошибку. Есть протокол, есть срок — выполняй.

— А теперь срок может измениться.

— Именно.

За окном внутреннего коридора кто-то проезжает на велосипеде.

Тихий звук быстро исчезает.

— И люди боятся не только того, что находится снаружи, — продолжает дед. — Они боятся, что теперь самим придётся решить, когда открыть дверь.

Мне вспоминаются утренние разговоры.

Одни хотят чинить Исток до последнего.

Другие уже обсуждают выход.

— А ты бы вышел?

— Сейчас?

— Да.

— Нет.

Ответ мгновенный.

— Почему?

— Потому что мне семьдесят шесть, Катя.

— И что?

— И если там действительно есть медведи, я не намерен выяснять, считают ли они возраст уважительной причиной.

Я смеюсь.

— А если без медведей?

Дед смотрит куда-то поверх моей головы.

Улыбка постепенно исчезает.

— Увидеть хотел бы.

— Что?

— Горизонт.

Я замолкаю.

— Почему именно его?

Он подбирает слова.

— Потому что здесь всё где-нибудь заканчивается.

Показывает рукой вокруг.

— Комната. Коридор. Парк. Атриум. Даже если пространство огромное, где-то есть стена или рама.

Он смотрит на меня.

— А там ты можешь смотреть вперёд и не видеть, где всё заканчивается.

— На записи видно.

— Нет.

Отвечает сразу.

— На записи видно изображение горизонта.

Я молчу.

Не знаю, чем спорить.

Наверное, ничем.

— Если когда-нибудь выйду, — говорю я, — покажу тебе.

Дед улыбается.

— Договорились.

* * *

Вечером проходит открытая трансляция Совета. Мы смотрим дома. Папа ещё на работе, поэтому на диване только мы с мамой.

Главный зал Совета я видела много раз. Полукруглый стол. Тёмные стены. Никакой особенной торжественности. Председатель Совета Николай Андреевич Руднев говорит без вступительной речи.

— Решение о подготовке первичной разведывательной экспедиции принято большинством голосов.

За его спиной появляется короткая надпись:

РАЗВЕДКА. НЕ ЭВАКУАЦИЯ.

— Это не начало массового выхода. И не доказательство того, что поверхность пригодна для постоянной жизни. Сейчас у нас есть только основания проверить это непосредственно.

На экране сменяются данные наружного мониторинга. Состав воздуха. Температура. Радиационный фон. Показатели воды возле станций. Долгие ряды измерений, уходящие на десятилетия назад.

Большая часть основных параметров давно держится в пределах, совместимых с жизнью человека. Но теперь я уже знаю: этого недостаточно. Руднев говорит примерно то же.

— До настоящего момента прямой выход не был оправдан. Сейчас риск длительного ожидания начал расти. Именно это изменилось.

Не «поверхность внезапно стала безопасной».

Исток стал менее надёжным.

Разница небольшая только на словах.

* * *

После основной части начинают поступать вопросы из общественных залов.

И именно тогда становится ясно, насколько по-разному люди слышали вчерашний доклад.

— Почему нельзя направить больше ресурсов на восстановление производства?

— Что произойдёт, если первая группа принесёт внутрь неизвестный микроорганизм?

— Планируется ли сокращение продовольственных резервов?

— Кто будет решать, достаточно ли безопасна поверхность после первого выхода?

— Есть ли данные о других убежищах?

На последнем вопросе я выпрямляюсь.

Ответ даёт Руднев.

— Нет данных, подтверждающих существование действующих человеческих поселений за пределами Истока.

Пауза.

— И нет данных, позволяющих утверждать, что их не существует.

На стене появляется большая карта.

Исток — маленькая точка.

— Перед окончательной герметизацией было известно о нескольких автономных проектах в разных регионах, — продолжает он. — Полная информация о расположении и готовности объектов не хранилась в одной системе. Часть архивов была утрачена ещё во время Каскада.

Следующий вопрос:

— Если кто-то выжил, почему мы не получали сигналов?

Теперь отвечает руководитель службы связи.

— Мы не знаем, какие комплексы успели завершить. Не знаем, сколько из них сохранило связь после разрушения наземной и орбитальной инфраструктуры. Не знаем, какие частоты использовались позднее.

Он говорит без надежды и без отрицания.

Просто перечисляет пределы знания.

— Поэтому существование других людей остаётся возможностью, а не фактом.
Я смотрю на карту. Она огромная. Исток на ней почти ничего не занимает.

Мы могли прожить три века, не зная, что происходит в нескольких сотнях километров от нас. До этого момента я всегда воспринимала такую неизвестность как историю. Сейчас она впервые кажется пространством.

* * *

Утром публикуют состав первой группы. Уведомление появляется, пока я чищу зубы. Я открываю его сразу.

Двенадцать имён. Руководитель экспедиции. Два специалиста безопасности. Инженер. Связист. Врач. Специалисты по техническому мониторингу и окружающей среде. И:

Соколов Виктор Сергеевич

ведущий специалист биологического сектора

Несколько секунд смотрю на строку.

Хотя знала.

Хотя вчера сама говорила, что его возьмут.

Знать заранее и увидеть имя в официальном списке — разные вещи.

* * *

В лаборатории его уже поздравляют. Мне само слово кажется странным. Поздравлять человека с тем, что он первым выйдет в неизвестную среду в герметичном костюме под медицинским контролем. Но остальные говорят именно так. Когда лаборатория наконец пустеет, я подхожу.

— Когда?

— Через два дня.

Я ожидала хотя бы неделю.

— Так быстро?

— Готовились не со вчерашнего дня.

На соседнем столе уже лежит снаряжение для отбора проб.

Не сами наружные контейнеры — они пока в техническом секторе подготовки, — а внутренние комплекты, маркировка, запасные кассеты, которые Виктор проверяет перед передачей экспедиционной службе.

— А если связь пропадёт?

— Есть основной канал и два резервных.

— Если костюм повредится?

— Возвращаемся.

— Если кто-то почувствует себя плохо?

— Возвращаемся.

— Если увидите крупное животное?

— Не подходим.

— А если оно подойдёт?

Виктор Сергеевич откладывает маркировочную кассету.

— Катя.

Я замолкаю.

— Я не могу заранее перечислить всё, что может произойти.

— Я знаю.

— Поэтому нас и готовят не к каждому конкретному событию, а к правилам принятия решений.

Он говорит спокойно, без привычного подкола.

И от этого я тоже успокаиваюсь немного.

— Мне страшно за вас.

— Я понимаю.

Просто отвечает.

Никакой шутки.

Несколько секунд молчим.

Потом он слегка кивает на рабочий стол.

— Мне понадобится твоя помощь с подготовкой схем отбора растительных проб.

Вот это уже привычнее.

Я сажусь рядом.

Работаем.

* * *

Последний вечер перед выходом весь Исток обсуждает двенадцать человек. Их фотографии появляются в городской сети.

Кто-то благодарит. Кто-то считает решение Совета безответственным. Кто-то требует непрерывной трансляции. Другие просят не превращать первый выход в зрелище.

Я читаю обсуждения дольше, чем следовало бы. Лиза забирает у меня терминал.

— Хватит.

— Отдай.

— Ты уже двадцать минут читаешь человека, который утверждает, что наружные станции «привыкли к плохому воздуху».

— Мне интересно, что он имеет в виду.

— Ничего.

Она убирает устройство подальше.

Мы сидим у воды в Центральном парке.

Над атриумом уже вечернее небо.

— Тебе страшно за Виктора? — спрашивает она.

— Да.

Немного молчу.

— И я ему завидую.

Лиза смотрит на меня.

— Вот это уже больше похоже на тебя.

— Это ужасно?

— Нет.

Я ожидала другого.

— Правда?

— Ты хотела увидеть поверхность всю жизнь. Было бы странно, если бы сейчас перестала.

Она возвращает мне терминал, но я уже не открываю обсуждения.

— Если они вернутся и скажут, что там можно находиться...

Лиза смотрит вверх.

На маленький кусок вечернего неба между рамами.

— Тогда я буду рада.

— И?

— И буду продолжать жить здесь, пока мне не объяснят, зачем делать иначе.

Я улыбаюсь.

Вот в этом вся Лиза.

* * *

Утром первого выхода Исток просыпается раньше. В восемь сорок мы с родителями и Лизой стоим в Центральном парке перед большой общественной панелью. Дед смотрит транс-

ляцию из своего сектора. Изображение идёт из северного шлюзового комплекса. Двенадцать человек в одинаковых наружных костюмах.

Через камеры трудно различить лица, но Виктора Сергеевича я нахожу сразу по движениям. Он проверяет контейнерный блок. Ещё раз. Потом застёгивает крепление на пояс.

08:58.

На экране появляется:

НАЧАТ ПРОТОКОЛ ВНЕШНЕГО ОТКРЫТИЯ.

Разговоры вокруг стихают. Внутренняя герметичная дверь шлюза закрывается.

Проверка костюмов. Связь. Давление. Фильтрующие и дыхательные системы. Система подтверждает готовность участников одного за другим.

Потом появляется строка, которой я раньше не видела ни на одной трансляции.

АКТИВАЦИЯ АВАРИЙНОГО КОНТАКТНОГО МАЯКА.

Я смотрю на папу.

— Это что?

— Старый протокол.

На панели идут технические строки. Несколько диапазонов. Циклы повторения. Передача координат.

Папа объясняет тихо:

— Его предусмотрели на случай начала организованного выхода. Если где-то сохранились люди или работающая система связи старых стандартов, они должны понять, что объект активен.

На экране появляется сам текст передачи:

АВТОНОМНЫЙ ГОРОД ИСТОК.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

НАЧАТ ПРОТОКОЛ ВЫХОДА.

КООРДИНАТЫ ОБЪЕКТА ПЕРЕДАЮТСЯ.

Я перечитываю.

Где-то снаружи этот сигнал уже уходит в эфир.

Не сообщение конкретному человеку.

Просто голос Истока, который спустя почти три столетия впервые говорит миру:

мы здесь.

Не знаю, есть ли кому услышать.

Наверное, никто в парке не знает.

Система заканчивает последнюю проверку.

ВНЕШНЯЯ СРЕДА В ДОПУСТИМОМ ДИАПАЗОНЕ.

Потом:

ОТКРЫТИЕ ВНЕШНИХ ВОРОТ.

Я перестаю замечать людей вокруг.

Створки начинают расходиться.

Медленно.

Между ними появляется тонкая вертикальная полоса дневного света.

Камера автоматически затемняет изображение.

Полоса расширяется.

За ней виден старый бетон наружной площадки, проросший мхом и травой.

Дальше зелень становится выше.

Ещё дальше стоят деревья.

Не декоративная группа в парке.

Лес.

Движущийся на ветру.

Над ним — небо, которое не помещается в кадр.

Двенадцать человек несколько секунд стоят у открытых ворот.

Потом руководитель делает первый шаг.

За ним остальные.

Виктор Сергеевич выходит примерно шестым.

И впервые за двести девяносто лет люди из Истока оказываются по другую сторону его стен.

Глава 4

Первые несколько секунд после открытия ворот никто в Центральном парке не говорит. Передача идёт сразу с нескольких камер, но большая панель держит изображение с шлема руководителя группы.

Старая техническая площадка начинается прямо за шлюзом.

Бетон местами растрескался, швы давно заросли мхом, в широких разломах поднялась трава. Ближе к стене она невысокая, кое-где едва прикрывает серую поверхность. Дальше, там, где бетон окончательно уступает земле, зелень становится гуще и поднимается почти до колен.

Ещё дальше начинаются кусты.

А за ними стоит лес.

Не где-то на горизонте.

Почти сразу.

Тёмный, плотный, живой.

Я знала, что он там.

Видела изображения с наружных обзорных камер. Смотрела карты растительности вокруг Истока. Знала, какие породы деревьев должны преобладать в этом районе.

Но карта обозначает лес зелёным пятном.

Настоящий лес всё время движется.

Ветер проходит по кронам неравномерно: сначала качаются деревья слева, потом движение уходит дальше, будто по лесу проходит невидимая волна. Между стволами меняется свет. Высокая трава ложится в одну сторону и медленно возвращается обратно.

А ещё лес шумит.

Через микрофоны приходит столько разных звуков, что я сначала не могу разделить их.

Шорох листьев.

Тихий треск.

Свист.

Что-то коротко кричит высоко над землёй.

Лиза рядом вздрагивает.

— Это что?

Я прислушиваюсь.

— Птица.

— Какая?

— Не знаю.

Она поворачивает ко мне голову.

— Ты биолог.

— А не аудиокаталог птиц.

Папа тихо усмехается с другой стороны. На передаче руководитель поднимает руку.

Группа останавливается. Все двенадцать остаются на старом бетоне. Первые минуты они вообще не уходят от ворот. Проверяют связь. Сверяют показания переносных приборов с данными внутреннего контроля.

Инженер осматривает наружную часть шлюза. Специалисты безопасности оценивают площадку и край леса. Виктор Сергеевич сообщает параметры среды. Голос через связь звучит чуть глуше из-за шлема.

— Температура двадцать пять и восемь. Влажность выше утреннего прогноза. Ветер слабый, направление северо-западное. Визуально признаков крупной фауны нет.

Слово «визуально» мне нравится.

Оно оставляет слишком много вариантов.

* * *

Одна из камер поворачивается к Истоку.

Я впервые вижу наружную стену не на технической фотографии.

Она тёмная.

Огромная.

И старая.

Бетон и металл местами покрыты пятнами лишайника. На нижних выступах держится мох. По краю дренажной конструкции вырос куст, а чуть дальше из трещины поднялась молодая берёза.

В нескольких местах хорошо видны ремонтные вставки: металл разного оттенка, новые герметизирующие полосы, панели, которые меняли уже при моей жизни.

Изнутри Исток никогда не выглядел старым.

У нас ремонт заканчивается новой поверхностью, свежей краской, заменённой панелью.

Снаружи вся его история остаётся на стенах.

Лиза тихо говорит:

— Я думала, он красивее.

— Он нормальный.

— Кать.

— Ему почти триста лет.

Папа ничего не говорит. Я смотрю на его лицо и вдруг понимаю, что для него эти следы ремонта — не просто пятна. Он наверняка знает часть из них. Может быть, участвовал.

* * *

Первую пробу берут у самого края площадки.

Виктор Сергеевич достаёт наружный инструмент из герметичного набора, набирает почву и закрывает её в двойном контейнере. Потом проверяет маркировку.

На панели рядом с трансляцией идут технические данные:

ПРОБА 01. ГРУНТ.

ВНЕШНИЙ КОНТУР.

КОНТЕЙНЕР ГЕРМЕТИЧЕН.

Вчера эти слова показались бы мне скучными. Сегодня я смотрю, как тёмная земля исчезает за прозрачной стенкой контейнера, и не могу отвести взгляд. Несколько граммов почвы. Всего в нескольких километрах от моего дома она лежит повсюду. Для нас сейчас это почти неизвестный биологический объект.

* * *

Через сорок минут экспедиция начинает двигаться от ворот. Сначала по бетону. Потом впереди идущий специалист безопасности ступает в траву. Она ложится под ботинком и частично поднимается после его шага.

Остальные идут следом. Медленно. Намного медленнее, чем я ожидала. Высокие стебли закрывают землю. Под ними оказываются ямы, камни, старые куски покрытия и корни. Иногда человек впереди останавливается и показывает остальным, где лучше обойти.

— Они уже метров сто прошли? — спрашивает Лиза.

Папа смотрит на навигационные данные.

— Семьдесят шесть.

— Всего?

— Там нет дорожки.

Она замолкает.

Я тоже.

Никогда раньше не думала о дорожке как об отдельном достижении человечества.

* * *

Примерно через сто двадцать метров группа останавливается возле влажного участка почвы.

Камера опускается. Следы. Большие. Раздвоенные. Виктор Сергеевич приседает, подносит измерительную шкалу.

— Похоже на лося.

Я произношу это почти одновременно с ним.

Лиза смотрит на меня.

— Насколько он большой?

— Самец может быть выше двух метров в холке.

— Что такое холка?

— До плеч.

Она несколько секунд молчит.

— Нет.

Я улыбаюсь.

— Что «нет»?

— Я туда не пойду.

— Он травоядный.

— Мне всё равно. Он выше меня.

— Большинство вещей выше тебя.

Лиза толкает меня локтем. Мама смеётся впервые за утро. Напряжение отпускает. Ненадолго.

Потому что Виктор Сергеевич добавляет:

— След относительно свежий.

И мы снова смотрим только вперёд.

* * *

Лес принимает группу почти сразу.

Свет меняется ещё до того, как все оказываются под кронами.

Становится темнее.

Холоднее по цвету.

Высокая трава уступает мху, хвое, папоротникам и низким кустам.

На земле лежат упавшие деревья.

Одно пересекает маршрут полностью.

Его ствол покрыт мхом, кора почти исчезла, а прямо из размягчённой древесины уже растут молодые растения.

Я раньше видела стадии разложения дерева в учебных материалах.

Знала, как мёртвая древесина становится субстратом для следующего поколения.

Но на схеме процесс идёт слева направо.

Здесь всё происходит одновременно.

Мёртвый ствол.

Мох.

Грибы.

Новая ель.

Всё в одном месте.

Мне хочется остановить экспедицию и рассмотреть.

Никто не собирается останавливать экспедицию ради меня.

* * *

На втором километре находят воду.

Сначала я её слышу.
Тихое постоянное журчание пробивается через остальные звуки.
Потом между травой появляется ручей.
Совсем небольшой.
Прозрачная вода идёт по камням, на затенённом берегу лежит толстый слой мха.
Пробу вместе с Виктором берёт специалист первой группы по внешней среде.
Температура воды чуть выше одиннадцати градусов.
Портативные приборы проводят только базовый анализ.
Полную микробиологию будут делать уже внутри — после того, как контейнеры пройдут отдельный путь через биологический шлюз.
В воде что-то мелькает.
Камера дёргается.
Кто-то в парке вскрикивает.
Я наклоняюсь вперёд.
Маленькое тёмное тело исчезает между камнями.
— Рыба, — говорю я.
Через секунду из динамиков приходит то же слово. Рыба. Всего лишь рыба. Но по парку проходит странный звук — одновременно смех, облегчение и десятки голосов.
Кто-то начинает хлопать. Мне неожиданно щиплет глаза. Я моргаю. Глупость.
Лес уже был живым. Трава была живой. Птицы. След лося.
Но маленькая рыба делает всё окончательным. Мир за стенами Истока не просто пригоден для отдельных растений. В нём работает целая экосистема.
Без нас.
* * *
Около полудня группа делает короткую остановку на остатках старой дороги.
Если бы не ровная полоса рельефа, я бы её не узнала. Асфальт почти исчез; трещины заполнены землёй, через покрытие растут травы и молодые сосны.
На архивной схеме эта линия когда-то соединяла несколько небольших поселений. Теперь по ней всё ещё идти легче, чем через густой лес, хотя дорогой её уже почти не назовёшь.
Один из инженеров поднимает проржавевшую металлическую деталь. Никто не может сразу понять, чем она была.
Я пытаюсь представить людей, которые когда-то проезжали здесь и не считали это место чем-то особенным.
* * *
В двенадцать двадцать девять специалист безопасности резко поднимает руку.
Все замирают.
Из динамиков остаются только дыхание внутри костюмов и лес.
Камера медленно поворачивается.
Стволы.
Кусты.
Тёмные промежутки между деревьями.
Сначала ничего.
Потом где-то дальше проходит движение.
Большое.
Я перестаю дышать.
Между двумя деревьями появляется голова.
Потом часть тела.
Лось.

На записи из архива животное всегда имело понятный размер: рядом стояла шкала, подпись, человек, дерево.

Здесь сравнивать не с чем.

Поэтому он кажется огромным.

Он стоит в нескольких десятках метров от группы и смотрит в их сторону.

Уши двигаются.

Голова чуть поворачивается.

Никто из людей не приближается.

Специалист безопасности говорит очень тихо:

— Стоим. Не идём к нему.

Лось делает несколько шагов. Я чувствую, как Лиза берёт меня за руку. Потом животное разворачивается и исчезает между деревьями. Не убегает в панике. Просто уходит.

Ещё несколько секунд качаются ветки. И всё. В парке одновременно начинают говорить десятки людей.

Я смеюсь от напряжения. Лиза нет.

— Он был огромный.

— Нормальный лось.

— Это не нормальный размер для животного.

— Ты видела его в учебном секторе.

— Скелет не ходил.

Аргумент принимается.

* * *

После встречи с лосем руководитель принимает решение не увеличивать маршрут.

У них ещё достаточно времени, но задача первой экспедиции не в том, чтобы пройти как можно дальше.

Это повторяют по внутренней связи несколько раз.

Мне хочется возражать.

Группа начинает возвращаться.

По уже известному маршруту идёт быстрее.

Точки обхода отмечены.

Мокрая низина известна.

Поваленные стволы тоже.

Через некоторое время между деревьями снова появляется Исток.

Снаружи он выглядит неправильным.

Слишком прямые линии.

Слишком большие ровные поверхности.

Тёмная конструкция среди зелени, которую природа постепенно пытается закрыть мхом, кустами и деревьями.

Изнутри Город всегда был средой.

Отсюда он выглядит объектом.

Я пока не знаю, нравится мне это или нет.

* * *

Возвращение занимает значительно дольше, чем просто войти в ворота. Сначала наружная группа останавливается на технической площадке.

Контейнеры с образцами закрепляют в отдельном грузовом блоке. Он не пойдёт с людьми через обычный медицинский маршрут. Для внешнего материала предусмотрен собственный герметичный передаточный контур в биологический сектор.

Потом группа входит в шлюз. Внешние ворота закрываются. Начинается первичная обработка наружных костюмов. Мы не видим всё подробно — часть процедуры не транслируют, — только технические сообщения.

ПЕРВИЧНАЯ ДЕКОНТАМИНАЦИЯ.

КОНТРОЛЬ ГЕРМЕТИЧНОСТИ.

НАРУЖНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПЕРЕДАНО В ИЗОЛИРОВАННЫЙ КОНТУР.

Участники снимают костюмы только после наружной очистки и перехода в чистую зону. Там их ждут душ, смена одежды и медицинский осмотр. Берут пробы уже у самих людей: проверяют температуру, кожу, слизистые, дыхание и показатели крови.

Контроль герметичности не показывает повреждений. После завершения осмотра участники возвращаются в обычные сектора.

Следующие семь суток каждый из двенадцати будет находиться под усиленным медицинским наблюдением. Температура, симптомы и анализы — по отдельному графику; любое отклонение изменит протокол.

* * *

В парк передают короткое включение уже из чистой зоны. Двенадцать человек без наружных костюмов. Уставшие. Волосы у некоторых мокрые после душа. На запястьях дополнительные медицинские датчики.

Кто-то из городской информационной службы задаёт руководителю один вопрос:

— Первый вывод?

Он не отвечает сразу.

Смотрит на остальных.

Потом говорит:

— Поверхность жива.

Всего два слова.

По парку снова проходит шум. Виктор Сергеевич стоит немного в стороне. Волосы ещё влажные после душа, на запястье новый медицинский датчик. Если бы я не смотрела трансляцию, по нему нельзя было бы понять, что утром он ходил по лесу. Поверхность осталась на образцах, в записях, в памяти.

* * *

К вечеру парк пустеет.

Большинство расходится по домам.

А я вместо этого иду в биологический сектор.

Образцы уже прибыли, но не в нашу обычную лабораторию.

Они находятся за пределами рабочего помещения, в изолированной приёмной зоне.

Снаружи контейнеры прошли обработку.

Внутренние ёмкости пока никто не открывал.

Сначала — регистрация.

Контроль герметичности.

Первичный экспресс-анализ без вскрытия основного объёма.

Только потом материал попадёт в биологические боксы.

Я смотрю через стекло на ряд контейнеров.

Грунт.

Вода.

Мох.

Листья.

Кора.

Ни к одному нельзя просто протянуть руку.

И хорошо, что нельзя.

Если мы действительно собираемся открыть дверь в незнакомый мир, лучше, чтобы первые люди относились к нему с уважением, а не с восторгом идиотов.

— Ты здесь.

Я оборачиваюсь. Виктор Сергеевич выходит из соседнего коридора. На нём уже обычная одежда.

— Вас отпустили?

— Как видишь.

— Значит, всё хорошо?

— На данный момент.

— И семь дней вас будут проверять?

— Температура, симптомы, дополнительные анализы по графику. Пока без ограничений по работе.

Я киваю.

Потом смотрю обратно на контейнеры.

— Когда откроем?

— Завтра часть.

— Здесь?

— Нет. Первый материал пойдёт в защищённые боксы. Пока не получим нормальную микробиологию, наружную почву по столам раскладывать не будем.

— Разумно.

— Рад, что ты разрешила.

Я пропускаю.

Сегодня у меня есть более важные вопросы.

Очень много вопросов.

И впервые не знаю, какой задать первым.

— Ну как?

Он молчит.

Смотрит сначала на меня, потом куда-то вверх.

На потолок лабораторного коридора.

Выражение лица меняется едва заметно.

— Больше.

— Что больше?

— Всё.

— Это не объяснение.

— Другого пока не придумал.

Я вспоминаю лес в кадре.

Лося.

Ручей.

Небо, которое не помещалось в объектив.

— Как пахнет?

Он усмехается.

— Ты решила начать с этого?

— Да.

Виктор Сергеевич думает.

И на этот раз действительно пытается ответить.

— Сначала влажной землёй. Потом травой. Под деревьями сильнее пахнет древесиной и хвоей. Возле ручья воздух холоднее.

— Воздух может пахнуть холоднее?

— Вот выйдешь — решишь сама.

— Вы сейчас предполагаете, что я выйду?

— Когда-нибудь.

— Очень осторожно.

— Я учёный.

Я улыбаюсь.

Потом снова смотрю на образцы.

— Страшно было?

— Да.

— Когда?

— Когда увидели лося.

— Только тогда?

Он качает головой.

— Когда открылись ворота тоже.

Вот этого я не ожидала.

— Почему?

Виктор Сергеевич какое-то время не отвечает.

— Потому что до этого наружный мир был данными.

Он показывает на контейнеры за стеклом.

— А потом дверь открылась, и оказалось, что он не обязан помещаться ни в один наш отчёт.

Эту фразу я запоминаю.

* * *

На следующий день начнутся анализы.

Мы узнаем, что живёт в воде.

Что находится в почве.

Какие растения растут в нескольких километрах от Истока.

Насколько наружные данные совпадают с тем, что предполагали модели.

Но сейчас я смотрю на герметичные контейнеры за стеклом и думаю о другом.

Трава росла без расписания полива.

Ручей никто не очищал.

Дерево упало и осталось лежать там, где упало.

Лось прошёл через лес, не подозревая, что двенадцать людей будут обсуждать его весь вечер.

Для Истока он стал событием дня.

Для него мы, наверное, были несколькими странными существами на дороге, о которых он уже перестал думать.

Эта мысль остаётся со мной дольше всего.

Глава 5

На следующее утро я прихожу на двадцать минут раньше.

Виктор Сергеевич уже в лаборатории.

Он смотрит на часы.

Потом на меня.

— Даже не начинайте.

— Я ничего не сказал.

— Именно поэтому хуже.

Снимаю куртку и прохожу к внутреннему окну защищённой лаборатории.

Образцы первой экспедиции уже там — по другую сторону толстого стекла.

Внешняя упаковка осталась во входном контуре. Внутренние ёмкости стоят в герметичном боксе.

Рядом с каждой пробой маркировка.

ВОДА. РУЧЕЙ. ТОЧКА 03.

ГРУНТ. ОПУШКА. ТОЧКА 05.

МОХ.

КОРА.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Вчера я хотела взять один из контейнеров в руки.

Сегодня вижу их только через стекло.

Поверхность пока помещается в нескольких подписанных ёмкостях.

— С чего начинаем? — спрашиваю я.

Виктор Сергеевич подходит рядом.

На его запястье всё ещё медицинский датчик.

— С воды.

— Почему не грунт?

— Потому что вода быстрее даст нам часть ответов, которые сейчас важнее всего.

— Патогены?

— В том числе.

На рабочей панели уже загружен план анализа. Первичную часть провели ночью. Физические показатели. Минеральный состав. Органика. Быстрые тесты на несколько групп известных токсинов и патогенов.

Ничего критического пока не нашли. Но слово «пока» сегодня присутствует почти в каждом отчёте.

* * *

На панели загорается линия отбора. Манипулятор подключает закрытый порт ёмкости к анализаторам внутри бокса. Виктор Сергеевич следит за показателями, я записываю результаты. Вода выглядит совершенно обычной. Прозрачной. Чуть желтоватой при большом объёме из-за растворённой органики.

Минерализация невысокая. Следы растительного материала. Микроорганизмы. Много. Не опасно много. Просто много по сравнению с водой Истока. У нас вода доходит до человека уже после очистки. Здесь она является средой обитания.

— Бактериальная нагрузка ожидаемая, — говорю я.

— Для природного ручья.

— Да.

На панели появляются результаты следующего теста.

Несколько групп простейших.

Паразитарные маркеры.

Споры грибов.

— То есть пить нельзя.

— Так формулировать неправильно.

— Пить без обработки нельзя.

— Уже лучше.

На экране десятки строк.

Никакой древней заразы, которая должна была выскочить из талой мерзлоты и переждать три века специально ради нас.

Просто обычные причины, по которым человек не должен считать прозрачную воду стерильной.

— Это даже немного разочаровывает.

Виктор Сергеевич поворачивается.

— Что именно?

— Ничего страшного.

— Мы ищем безопасную среду, Катя.

— Я знаю.

— Тогда попробуй радоваться скучным результатам.

Я улыбаюсь.

Он прав.

Пусть всё будет скучно.

Очень долго.

* * *

К полудню приходит расширенный микробиологический скрининг. Современная система не знает заранее каждый организм, который может встретиться снаружи. Поэтому часть анализа идёт не только по принципу «найти конкретную бактерию», а по более широким признакам: генетическому материалу, токсинам и метаболическим маркерам. Неизвестные последовательности система помечает отдельно. Их много.

Это сначала пугает. Потом Виктор Сергеевич показывает распределение.

— «Неизвестно базе» не означает «опасно».

— Я знаю.

— Ты сейчас выглядишь так, будто не знаешь.

На экране тысячи фрагментов.

Большинство, скорее всего, принадлежит обычным почвенным и водным организмам, которые три века менялись без всякой необходимости соответствовать нашему архиву.

— Мы вообще сможем определить всё?

— Нет.

Ответ мгновенный.

— Никогда?

— Нам и не нужно всё.

Он увеличивает один из блоков.

— Нам нужно понять, есть ли признаки угрозы, которая делает контакт с этой средой недопустимым.

— А если организм новый?

— Новый для нашей базы — не новый для природы.

Опять очевидная мысль, которую приходится услышать вслух.

Исток три века сохранял знания.

Поверхность три века продолжала меняться.

Мы не возвращаемся в замороженный мир.

* * *

Контрольную часть грунта оставляют закрытой, рабочую делят между химическим и микробиологическим анализом. Материал остаётся в защищённом боксе. Я вижу через стекло тёмный комочек почвы с мелкими корнями и кусочками растительного материала. Вчера он лежал под ногами у Виктора Сергеевича. Теперь находится в нескольких метрах от меня, но между нами больше защиты, чем между мной и большинством помещений Истока.

Я неожиданно вспоминаю его слова о запахе. Влажная земля. Хвоя. Древесина. За стеклом лежит тёмная проба.

— Хочешь понюхать? — спрашивает он.

Я резко поворачиваюсь.

Он улыбается.

— Очень смешно.

— Просто проверяю, чему тебя научил один день.

— Тому, что неизвестную наружную почву не надо совать себе в лицо.

— Прекрасное начало научной карьеры.

Возвращаюсь к пробе.

Запаха здесь нет.

И, наверное, это правильно.

Первый раз я почувствую его там.

* * *

Растительные образцы оказываются интереснее всего.

Ива. Берёза. Ель. Осоки. Мхи.

Знакомые виды, но не всегда там, где их ждут старые карты.

Я отмечаю один из образцов.

— Этот вид должен был встречаться южнее.

— По картам какого года?

— Перед окончательной потерей наблюдательной сети.

— Значит, почти три века назад.

Открываю климатические слои. За это время границы зон смещались не раз; по внешним станциям мы знали температуру, пыльцу и отдельные биологические маркеры, но по ним нельзя восстановить весь лес.

— Мы видим только итог, — говорю я.

— Маленький кусок итога.

За стеклом лежит ветка.

Для нас Каскад — дата в учебниках и начало жизни за герметичными дверями. Здесь после него успели пройти сотни зим, пожаров, засух и влажных лет.

— Для леса он давно закончился.

Виктор Сергеевич слегка кивает.

— Для леса это вообще не одна дата.

* * *

Ближе к обеду приходит Марина Орлова.

Вчера я видела её только на трансляции и после возвращения группы.

Сегодня она в обычной медицинской форме, с собранными волосами и планшетом в руке.

Виктор Сергеевич замечает её первым.

— Что-то нашли?

— Нет.

Она показывает на его датчик.

— Поэтому пришла снять суточный отчёт.

— Я мог отправить данные.
— Мог.
— Но?
— Но я врач и люблю видеть пациентов.
— Я не пациент.
— Пока.

Он смотрит на меня.

— Видишь, откуда берётся это слово?

Марина переводит взгляд на меня.

— Катя?

Я немного удивляюсь.

— Вы меня знаете?

— Виктор упоминал.

— Хорошее?

— Не уточнял.

Виктор Сергеевич делает вид, что занят экраном. Марина проверяет его показатели. Температура нормальная. Сатурация. Частота дыхания. Кожа без изменений. Никаких симптомов.

— Остальные тоже нормально? — спрашиваю я.

— Да.

— То есть наружная среда точно безопасна?

Она поднимает на меня глаза.

— Нет.

Я сразу понимаю ошибку.

— Пока никаких признаков проблемы.

— Вот так правильно.

Она отмечает данные.

— И часть рисков вообще не проявится за сутки.

— Поэтому семь дней.

— Поэтому наблюдаем минимум семь дней и продолжаем лабораторные исследования.

Виктор Сергеевич спрашивает:

— Заседание когда?

Марина смотрит на него.

— Уже было.

— И?

Перед ответом Марина смотрит на меня.

Потом обратно на него.

— Предварительно согласовали подготовку второй группы.

Я перестаю слышать половину лаборатории.

— Второй?

Марина улыбается едва заметно.

— Вот теперь понимаю, о ком ты рассказывал.

Виктор Сергеевич вздыхает.

— Марина.

— Что?

— Ничего.

Я подхожу ближе.

— Когда?

— Пока не утверждено.

— На сколько?

— Катя.

— Я просто спрашиваю.

Марина оказывается значительно терпеливее Виктора.

— Первая группа проверила только ближайшую территорию. Если результаты образцов и медицинского наблюдения останутся удовлетворительными, Совет хочет расширить радиус.

— На день?

— Дольше.

— Насколько?

— Предварительно до недели с возможностью продления.

Неделя. На поверхности. Не восемь часов.

Ночи. Сон. Еда. Вода. Погода.

Внутри меня сначала появляется почти чистый восторг. Страх догоняет позже.

— А защита?

Теперь отвечает Виктор Сергеевич:

— Это как раз обсуждают.

— То есть опять герметичные костюмы?

— На неделю так работать невозможно.

— Тогда как?

— Если вода, грунт, воздух и растительные образцы не покажут угроз высокого уровня, а первая группа закончит ранний период наблюдения без симптомов, протокол могут снизить.

— До чего?

— Защитная полевая одежда. Респираторы в резерве и для отдельных процедур. Перчатки при отборе проб. Открытые лицо и дыхательные пути в обычном режиме.

Несколько секунд молчу. Вот теперь поверхность становится другой. Вчера Виктор видел лес через прозрачный щиток. Дышал через систему костюма. Кожа не касалась ничего снаружи. Следующая группа может действительно выйти в этот воздух.

— И кто идёт?

— Состав ещё не утверждён.

— Вы?

— Если медицинская служба допустит.

— Допустите?

— Если через несколько дней он не начнёт отращивать лишние конечности.

Виктор Сергеевич медленно поворачивается к ней.

— Очень профессионально.

— Я стараюсь.

Вот её юмор отличается.

Не подколот ради подкола.

Сухой врачебный способ не делать каждую опасность трагедией.

Марина заканчивает с датчиком и собирается уходить.

У двери останавливается.

— Кстати, список дополнительных биологических специалистов тоже обсуждали.

Виктор Сергеевич слишком внимательно изучает экран.

— Вы что-то сделали?

Марина выходит.

Предательница.

— Виктор Сергеевич.

— Что?

— Вы меня предложили?

Он молчит несколько секунд.

— Да.

Внутри всё сначала поднимается куда-то к горлу, потом резко падает обратно.

— Зачем?

Он снимает очки.

— Потому что второй выход — не повтор первого.

— Я понимаю.

— Нет, пока не понимаешь.

Он разворачивает к себе стул.

— Первая группа должна была быстро определить, можем ли мы вообще находиться за воротами. Поэтому туда пошли люди, которые способны самостоятельно принимать решения почти в любой ситуации.

— А я нет.

— Пока нет.

Это неприятно.

Но правда.

— Второй группе потребуется больше людей и больше узких задач. Растительность. Состояние экосистем. Потенциальные пищевые виды. Возобновление леса. Взаимодействие почвы и растительного покрова. Сравнение живой среды с нашими моделями.

Я слушаю.

— И вы считаете, что я нужна?

— Считаю, что можешь быть полезна.

Не «нужна».

Не «незаменима».

И именно поэтому я верю.

— Есть специалисты опытнее.

— Есть.

— Тогда почему я?

— Потому что опыт не единственный критерий.

Он кивает на карту, которую я открывала утром.

— Ты хорошо видишь связи между данными. Не только отдельный вид, но и то, почему он оказался там, где оказался.

Я не знаю, что ответить.

Похвала от него редко звучит как похвала.

Эта звучит.

— Это не значит, что тебя возьмут, — добавляет он.

Вот теперь всё нормально.

— Понимаю.

— Будет медицинский отбор. Физическая оценка. Подготовка.

— Я справлюсь.

— Возможно.

— Вы специально?

— Нет.

Он смотрит совершенно серьёзно.

— Катя, снаружи нельзя компенсировать отсутствие навыка энтузиазмом.

Я тоже перестаю улыбаться.

— Я понимаю.

— Хорошо.

И вот теперь мне становится по-настоящему страшно.

Не оттого, что он сомневается.

Оттого, что впервые всё звучит реальным.

* * *

Через десять минут восторг возвращается.

Я пытаюсь работать.

Открываю результаты.

Закрываю.

Снова открываю.

Читаю одну строку три раза.

— Я не могу сосредоточиться.

— Вижу.

— Вы могли сказать в конце дня.

— Мог.

— Почему не сказали?

— Потому что Марина пришла раньше конца дня.

Логично. Ненавижу. Сажусь обратно.

Представляю неделю снаружи. Палатки. Я никогда не спала в палатке. Настоящий дождь. Я никогда не стояла под дождём. Ночь без потолка. Животные. Клещи. Я резко поднимаю голову.

— Там клещи.

Виктор Сергеевич продолжает читать.

— Да.

— Вы видели?

— Одного на растительности.

— И ничего не сказали.

— В отчёте есть.

— Я ещё не дошла.

— Значит, теперь знаешь.

Я представляю маленькое тело, которое ползёт по одежде.

Восторг становится чуть слабее.

— Медведи?

— Следов не видели.

— Но могут быть.

— Могут.

— Очень хорошо.

— Ты можешь отказаться.

Я поворачиваюсь. Он говорит без насмешки. Просто напоминает. Можно. Никто не заставляет.

На секунду представляю, что говорю «нет». Остаюсь в Истоке. Смотрю второй выход на экране. Жду образцы. Слушаю, как Виктор рассказывает о ветре, запахах и воде.

Нет.

— Не хочу.

— Чего?

— Отказываться.

Он кивает.

Будто именно этого и ожидал.

* * *

Когда работа заканчивается, я задерживаюсь в переходе перед жилым сектором.

По наружной стороне стекла медленно ползут капли дождя. За ними видна тёмная крыша соседнего блока и полоска склона.

Браслет дважды напоминает, что я стою без движения.
Только после второго сигнала иду домой.

* * *

Вечером рассказываю родителям.

Мама перестаёт есть раньше, чем я заканчиваю первую фразу.

— Нет.

— Это ещё даже не утверждено.

— Тем лучше.

— Мам.

— Катя, ты никогда в жизни не ночевала снаружи защищённого жилого контура.

— Никто из моего поколения не ночевал.

— Это должно меня успокоить?

Папа молчит. Слушает. Я объясняю второй маршрут. Что это пока только предварительный план. Что защита будет зависеть от результатов анализов. Что в группе обязательно будет врач. Что первая ночь планируется относительно близко к Истоку. Мама ждёт, пока я закончу.

— Нет.

— Мне двадцать пять.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто можешь запретить?

— Потому что мне страшно.

Ответ такой прямой, что я замолкаю.

Она не пытается управлять мной.

Не говорит, что я маленькая.

Просто боится.

Папа наконец спрашивает:

— Виктор предложил тебя?

— Да.

— Почему?

Я повторяю его объяснение.

Не всё.

Фразу про энтузиазм оставляю себе.

Папа слушает.

— Похоже на него.

— Ты за?

— Нет.

— Вы сегодня с мамой идеально синхронны.

Он улыбается.

— Я твой отец. Я против любого занятия, в котором существует вероятность, что тебя съест медведь.

— Очень конкретный риск.

— Ты сама спросила про медведей.

Мама смотрит на него.

— Алексей.

— Но, — продолжает он уже серьёзнее, — это не профессиональный аргумент против твоего участия.

— То есть?

— То есть если руководитель группы, Виктор, врач и служба безопасности решат, что ты подходишь, я не буду делать вид, что разбираюсь лучше них.

Мама встаёт из-за стола.

— А я буду.

Уходит в спальню.

Я закрываю глаза.

— Отлично.

Папа тихо говорит:

— Дай ей время.

* * *

Через несколько минут иду следом.

Мама сидит на краю кровати.

Сажусь рядом.

— Извини.

— За что?

— Не знаю. На всякий случай.

Она коротко смеётся.

Потом берёт меня за руку.

— Ты понимаешь, чего я боюсь?

— Что я умру.

— В том числе.

Она смотрит на наши сцепленные пальцы.

— Всю твою жизнь я знала, что если что-то произойдёт, помощь рядом. Врач. Оборудование. Лекарства. Даже если ты упала в другом секторе, через несколько минут кто-то будет возле тебя.

Я молчу.

— А там между тобой и нормальной медициной могут быть километры леса.

Вот это звучит страшнее медведя.

Потому что правда.

— В группе будет врач.

— Один.

— С хорошим набором.

— Я знаю.

Мама вздыхает.

— И знаю, что когда-нибудь всё равно придётся учиться жить снаружи.

Это первое, что она говорит не против.

Я поворачиваюсь к ней.

— Но я не обязана радоваться, что первой решила учиться именно моя дочь.

— Нет.

Обнимаю её.

Она сразу прижимает меня к себе.

— Мне тоже страшно.

— Тогда не иди.

Я улыбаюсь ей в плечо.

— Всё равно хочу.

— Вот это я и считаю твоим главным дефектом.

— Любопытство?

— Да.

Мы сидим так ещё немного.

Потом мама отстраняется.

— Если тебя возьмут, я проверю аптечку.

— Там будет Марина.

— Я всё равно проверю.

— Я и не сомневалась.

* * *

Перед сном приходит сообщение от Виктора Сергеевича.

Завтра, 09:00. Медицинская и физическая оценка кандидатов.

Я смотрю на часы.

Пишу:

это значит что меня уже рассматривают официально?

Ответ приходит не сразу.

Это значит, что завтра в 09:00 ты должна быть в медицинском секторе.

Я улыбаюсь.

поняла

Через несколько секунд:

08:55.

Я кладу устройство рядом.

Не отвечаю.

Лежу в темноте и слушаю вентиляцию.

Ещё несколько дней назад этот звук вообще не существовал для меня отдельно от дома.

Теперь я замечаю его почти каждый вечер.

Ровный.

Предсказуемый.

Всегда одинаковый.

За стенами Истока воздух двигается иначе.

Меняет направление.

Температуру.

Запах.

Я пока знаю это только со слов Виктора.

Но впервые существует настоящая вероятность, что скоро смогу проверить сама.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.